

Валерий Самойлов

ПОДВОДНЫЕ ПЛЕННИКИ

Детектив-экшен

Валерий Самойлов

Подводные пленники

«Горизонт»

2018

Самойлов В.

Подводные пленники / В. Самойлов — «Горизонт»,
2018 — (Детектив-экшен)

Этот роман вероятно единственный в мире, написанный под водой на борту подводной лодки, находившейся в автономном плавании в районе Северного полюса. Автор предоставил возможность экипажу подводного ракетного крейсера К-424 ознакомиться с рукописью и после одобрения решил издать книгу под названием ПОДВОДНЫЕ ПЛЕННИКИ. Пленники, конечно, не сами подводники, а те, кто волею судьбы оказался на борту секретной подводной субмарины, сбившей средствами противовоздушной обороны американский частный самолёт с туристами. Здесь и спасение американцев, и попытка их вербовки, и любовный треугольник, и посадка американского аварийного самолёта на палубу авианосца, и авария на борту самой субмарины, и жёсткое противостояние двух сверхдержав на подобии Карибского кризиса, где президенты в последний момент предотвращают ядерную войну. Народный артист России Всеволод Шиловский назвал это произведение мелодрамой, редкой в сегодняшней литературе. Книга является своего рода предупреждением негативному развитию современных событий в мире...

© Самойлов В., 2018

© Горизонт, 2018

Содержание

Глава 1. Пришельцы	5
Глава 2. Судьбоносное решение	11
Глава 3. Командир подводного атомохода	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Самойлов

Подводные пленники

Глава 1. Пришельцы Арктика, лето 1985 года

*Неспроста, неспроста
От родных тополей
Нас суровые манят места —
Будто там веселей, —
Неспроста, неспроста...*

Владимир Высоцкий

Для экипажа ледокола «Поляр Кинг», береговой охраны США, эта история началась неожиданно и небезопасно. В принципе, они ожидали... Ожидали найти обломки межконтинентальной баллистической ракеты «Трайидент 1», стартовавшей с американской субмарины в Гренландском море и сошедшей с заданной траектории уже на первой минуте полета. Нашли же совсем другое – двух полярных доходяг, непонятно откуда появившихся среди льдов Северного ледовитого океана.

Экипаж, как и вся организация БОХР – береговой охраны, подчинялся министру транспорта Соединенных Штатов и эпизодически привлекался для оказания помощи военно-морским силам в арктическом районе. Корабль был оборудован лабораториями для проведения океанографических исследований, имел пост метеорологического наблюдения, центр обработки информации и, пожалуй, главное – мог преодолевать ледовый покров толщиной до шести метров. Два бортовых вертолета позволяли быстро обследовать расчетную площадь падения обломков ракеты, но из-за тумана пока не использовались.

Редкий для восьмидесятых северных широт, туман образовался за счет наложения южного потока воздуха на более холодную ледовую поверхность.

Полет и разрушение ракеты, имевшей стартовую массу тридцать три тонны, наблюдали летчики специального самолета сопровождения, которые подтвердили, что часть обломков при падении не пробила лед и находится на поверхности.

Это были плановые испытания по программе «Трайидент». Американские конструкторы в очередной раз попытались совместить в едином качестве такие понятия, как дальность полета и «максимальный полезный груз», точность наведения и маневрирование боевой части для преодоления ПРО – противоракетной обороны противника. Ракета имела астро-инерциальную систему наведения для коррекции ошибок при стрельбе на этапе разведения боеголовок и привязке их к одной-двум звездам, находящимся в районе планируемой цели. Идея носила глобальный характер, но, как обычно бывает в таких случаях, все решилось проще простого – выйдя из-под воды, ракета пошла с отклонением от траектории полета из-за неполадок в двигательной системе, далее сработал самоликвидатор, и шедевр ракетостроения начал хаотически падать в северо-восточном направлении.

Представители командования Военно-Морских Сил США и фирмы-подрядчика находились рядом с позицией старта на опытовом судне «Айлэнд», оборудованном специальной радиолокационной станцией «Кобра Джуди» с фазовой антенной решеткой для наблюдения за пусками баллистических ракет. Можно только представить всю степень разочарования заказ-

чика и производителя, на глазах у которых вместе с самоликвидировавшейся ракетой рушились все ближайшие планы и надежды на солидное поощрение. Не повезло и «Джужи». Не успела она вытянуть свою длиннющую шею, как ее за ненужностью упрятали в закрома до следующих испытаний.

Для поиска остатков ракетокрушения одновинтовой «Айлэнд», постройки 1958 года, не годился. Поэтому обратились к коменданту БОХР, в ведении которого значился новейший ледокол «Поляр Кинг». Благо, он в это время ошвартовался в норвежском поселке Баренцбург острова Западный Шпицберген. Уладив все вопросы, связанные с неустойкой и оплатой предстоящих работ, – руководство ВМС обычно не скупилось – корабль вышел в море при полной видимости полярного дня. На скорости пятнадцать узлов – золотая середина между максимальным и экономходом – корабль удачно избежав столкновений с дрейфующим в Гренландском море крупно- и мелкобитым паковым льдом, к исходу вторых суток начал преодолевать сплошную кромку льда. Толщина покрова не превышала одного метра, и ледокол, следуя курсом норд, норд-ост, чуть правее гринвического меридиана, медленно, но уверенно продвигался в заданном направлении. На десятые сутки со дня выхода из Баренцбурга и началась эта история...

Впередсмотрящий на баке матрос Питер Барр, как и многие другие в экипаже «Поляр Кинг» четко представлял, что такое конкуренция среди моряков за право получить пятьсот долларов тому, кто первым обнаружит останки баллистической ракеты. Лишние деньги еще никому не мешали, поэтому Питер смотрел в четыре глаза – в два собственных и... еще в два, с цейсовскими стеклами, вмонтированными в бинокль времен Второй мировой войны – подарок деда, участника печально известного конвоя «Пэ Кю-17».

Да, именно он Питер Барр, внук славного пулеметчика «Эрликона», первым обнаружил на правом траверзе жирную оранжевую точку, неожиданно появившуюся на белом фоне ледовой пустыни. Временами точка раздваивалась, затем снова сливалась в единое целое. Становилось ясно, что это живое существо. Вскоре все убедились в этом, когда оно осыпало правый борт судна градом пуль калибра 7,62 миллиметра.

– Всем укрыться за металлические поверхности! – резко прозвучал на верхней палубе голос капитана ледокола Дика Брайта. – Не высовываться!

Стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Существо не подавало признаков жизни.

В экипаже бурно обсуждали случившееся. Все, у кого были какие-либо кино – или фотопринадлежности, средства наблюдения, вытащили их из загашников и, проигнорировав предупреждение капитана, устремили их на лед. На ходовом мостике прозвучала очередная команда:

- Рулевой! Право на борт!
- Есть, сэр! Руль право на борту!
- Циркулируй прямо на них.
- Есть, сэр.

Ледокол, описав циркуляцию, замер в пятистах футах от места стрельбы. С ходового мостика отчетливо различались два человека лежащие неподвижно и прижавшиеся друг к другу.

Капитан обратился к старпому:

– Сдается мне, что этими пулями они сказали последнее «прости» и отдали Богу души. Готовь людей, бери доктора и вперед! Соблюдайте осторожность!

– Да, сэр!

Они лежали обнявшись. Это были мужчина и женщина, лет тридцати – тридцати пяти. Их лица обветрились, но сохраняли первоначальную красоту. Поверх прорезиненной одежды были одеты синие, задеревеневшие на морозе, брюки и куртка с надписью «РБ» на славянском языке. Оранжевые спасательные жилеты имели четко различимое клеймо «ВМФ СССР».

Никаких документов у пришельцев не оказалось. Мужчина сжимал в правой руке известный во всем мире автомат Калашникова советского производства. Рожок для патронов был почти пуст.

Следовало делать все быстро, но прежде, чем уложить их на носилки, решительно потребовал у старпома, чтобы ему дали возможность сфотографировать эту пару так, как они сейчас лежали – вместе и обнявшись. Это была идиллия верности и любви.

Моряки с ледокола «Полар Кинг» слишком хорошо знали друг друга и не раз обменивались тумачами в потасовках. Они были мужественны и суровы, но здесь расчувствовались и не стеснялись смахивать набежавшие на глаза слезы.

– Я стану молиться за них, хоть они и безбожники эти русские, – в сердцах произнес Питер Барр, – по-человечески будет жаль, если они не выживут.

– Да, Пит, ты прав, – выразил общее мнение старпом. – А теперь за работу, парни!

На одиннадцатые сутки со дня выхода из Баренцбурга вездесущий впередсмотрящий, он же Питер Барр, получил-таки свои пятьсот долларов. Цейсовский бинокль деда оправдал возлагаемые на него надежды.

Ледовый покров в районе падения баллистической ракеты не составлял сплошного массива, и корабль, преодолевая одно ледовое поле за другим, как бы переползал из полыньи в полынью. По команде капитана застопорили ход и начали операцию по подъему всего того, что еще недавно называлось межконтинентальной баллистической ракетой.

С помощью вертолета и двух корабельных кранов, грузоподъемностью по пятнадцать тонн каждый, на борт подняли оставшуюся на поверхности часть двигателя, ошметки бортовой аппаратуры и кучу всяких железяк, годных разве что для сдачи в утиль. Все это время та часть экипажа, которая не участвовала в сборе металлолома, не сидела без дела: боцкоманда суричила палубу на баке, в лабораториях проводили исследования рельефа дна и сейсмоактивности земной коры, метеорологи развернули пост наблюдения для составления карты синоптического прогноза, попутно наносили направление дрейфа льдов. Казалось, что все при деле и больше не о чем думать. Но стоило кому-нибудь заглянуть в курилку или в кают-компанию, как все разговоры сводились к одному, волнующему каждого, вопросу: как незнакомцы?

Единственным, кто мог внести ясность и ответить на этот вопрос, был, естественно, корабельный доктор Джо Хьюлетт, или просто док, как все его называли. Хьюлетт представлял собой типичный образец убежденного в своей правоте холостяка, воплощающего в жизнь одну английскую мудрость: «Тот, кто решил на всю жизнь остаться холостым, может быть, и дурак, но слышит он об этом гораздо реже, чем тот, который женился». Женщины ему нравились, но до того момента, когда очередная из них не задавала извечного: «Ты женишься на мне?», на что док непременно отвечал словами Бонни из «Сильвы»: «Помилуйте, для самоубийства есть более простые способы».

Хьюлетт быстро оценил свое преимущество над всеми, и даже над капитаном, и с умным видом барражировал по известному всем маршруту: амбулатория – буфет – амбулатория. Наконец и капитану стало ясно, что первой, кто узнает правильный ответ на интересующий всех вопрос, станет буфетчица Джерри. На тринадцатые сутки со дня выхода из Баренцбурга ответ был получен: «О кей!» Это произошло под покровом ночи в кладовой корабельного буфета, где Джерри, изменив своему жизненному правилу – в море – никому, отдалась доку взамен полученной информации. Пообещав, как он просил, «никому ни слова», и сказав напоследок: «У меня, как в могиле!», Джерри моментально разнесла эту весть по всему кораблю.

При первичном обследовании нежданных гостей доктор понял, что с ними все будет в полном порядке. Он был хирургом, а не психологом, и не знал, чем отличается эмоциогенный ступор от эмоциогенного паралича, однако рассудил вполне логично: общее истощение организма, сильнейшее психическое потрясение. Все объяснимо: сначала была радость, когда нежданно-негаданно появилось средство спасения, потом отчаянье – пройдут мимо и не заме-

тят. В ход пошло все, вплоть до оружия. Затем, когда поняли, что замечены и их спасут, силы покинули пришельцев, и они впали в обморочное, депрессивное состояние. Сказалась, видимо, и усталость.

Лица полярных доходяг от долгого нахождения на воздухе несколько огрубели, обветрились. Ночью температура у поверхности Ледовитого океана снижалась до минус десяти градусов. Днем она могла доходить до плюс восьми. Солнце в полярный день светило круглосуточно. Вполне естественно, что бедолаги догадались надеть резиновые комбинезоны, использующиеся в войсках для защиты кожи от вредных химических веществ. Это уберегло их ноги от сырости и, как следствие, от переохлаждения и обморожения, от так называемой у медиков «траншейной стопы» – специфической болезни участников военных конфликтов зимнего периода. Первый медосмотр, проведенный в амбулатории после того, как их раздели, показал – признаков гангрены нет. Док порылся в своих справочниках, нашел главу, где речь шла о психической реабилитации, и на глаз определил срок адаптации в неделю. Однако в ночь, когда еще не истекли третьи сутки со дня появления незнакомцев на корабле, мужчина вдруг заговорил на английском языке вперемежку с русскими фразами. Сказав, что не следует волноваться и они спасены американским экипажем, Хьюлетт срочно помчался к Джерри в буфет, расположенный внутри кают-компания.

Не прошло и получаса, как предательски заскрежетал отпираемый изнутри засов двери кают-компания. Док, в измятом и давно не стиранном белом халате, выскользнул за порог. В спешке прикрывая за собой дверь, он не заметил случайно оказавшегося здесь капитана ледокола.

– Доктор! – как можно строже обратился к нему Дик Брайт.

– Да, сэр! Я как раз...

– Хотел доложить мне, – перебил капитан, – о здоровье пришельцев.

– Да, сэр!

– А скажи, док, – уже более спокойным голосом продолжил разговор Брайт, – правду говорят, что Маруся хороша собой?

– Так и есть, сэр!

– Я взгляну одним глазком, да, док?

– Пожалуйста, сэр! Но только не Маруся, – Хьюлетт успел кое-что разузнать, – а Джейн.

Джейн Мэхэн, сэр.

Голова Дика Брайта чем-то напоминала помятую в контейнере для перевозки овощей тыкву, челюсть была несколько увеличена. Когда он своими собственными ушами услышал то, что ему поведал доктор, у него в буквальном смысле отвалилась нижняя часть тыквы, то есть челюсти, издав при этом булькающее по-английски:

– В-в-в-вот? – что в переводе на русский язык означает элементарное вопросительное «что»?

Все рушилось на корню, потому как в первый же день капитан дал радиодонесение о русских военных, обнаруженных в районе между островом Шпицберген и Северным полюсом, и просил прислать квалифицированного специалиста. Из ответа, не заставившего себя ждать, он понял что из русских уже делают диверсантов «империи зла» и разрабатывают сценарий вербовки.

– Нет, Джо. Ты что-то напутал, – опомнился Брайт. – Смотри, у них и одежда вся русская, надписи: «ВМФ СССР», «РБ»... не говоря уже об автомате Калашникова.

– Я понимаю, сэр. Вы рассчитывали на поощрение, но лучше, если сами пообщаетесь с ними утром, они только уснули...

Как и где провел эту ночь капитан ледокола – до сих пор остается загадкой, но судя по тому, что Джерри опростоволосилась с выдачей продуктов на камбуз и сорвала завтрак, некоторые сделали для себя вывод, что «тропа» дока теперь для него самого закрыта. На ненавяз-

чивый вопрос старпома «Где это вы околачивались, сэр?» тот ответил любившимися ему с детства пушкинскими стихами:

– Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей...

Буфет Джерри был похож на стойку в баре, где все было наружу и не было необходимости иметь какие-либо окна или двери. Старпом усмехнулся, и они склонились над навигационной картой – капитану пора было определиться с местом корабля в море. Попутно выслушав «сплетню» – утренний доклад старпома о замечаниях за ночь, и закончив свои дела на ходовом мостике, Брайт отправился в амбулаторию.

Под словом «амбулатория» подразумевались: приемная доктора, где тот ставил свои умопомрачительные диагнозы типа «наверное, что-то съели» или «у Вас просто фациес гиппократика» – лицо Гиппократата, появляющееся при агонии человека; операционная, в которой он любил уединиться за чтением очередного, попавшего ему в руки бестселлера, спрятавшись от своих вечно больных пациентов; изолятор на двух больных, где сейчас обитали его подопечные доходяги. Экипаж называл амбулаторию хижинкой дяди Дока, потому что доктор не любил яркого операционного освещения и искусственно создавал затемнение, пользуясь в основном настольной лампой. Кроме того, там вечно был такой холостяцкий беспорядок, что попавшему сюда новичку становилось совершенно непонятно, как все это можно совместить с медицинскими понятиями о стерильности и чистоте. Особенно поражало обилие самых разнообразных банок, пузырьков, пробирок, колб, и другой стеклянной посуды, в которых док, подобно своим коллегам с противоположной стороны Северного Ледовитого океана, содержал полученные при смешивании с медицинским спиртом настойки, ликеры, коктейли и прочие напитки под общим для всех фирменным названием «Уайт Докте» – «белый доктор». Посещение капитаном амбулатории началось с указания на докторские недоработки:

– Послушай док, я тебе как-то говорил уже: наведи здесь хоть какой-нибудь элементарный порядок. Ну что это такое? – кэп вытащил из-под матраса торчащий и задеревеневший одноразовый носок. – Или вот, смотри, – рядом с умывальником валялись «бычки». «Видно, у доктора после Джерри поубавилось силенок, – подумал Брайт, – не может добросить окурки до урны». – Наведи порядок, – продолжал кэп, – и убери куда-нибудь эти стекляшки, – кэп сделал размашистый жест, указывая на бесценную, заполнившую все ниши, коллекцию «Белого доктора».

«Странно, что док не оправдывается, – подумал кэп, привыкший за время похода к его извечным оправданиям, и только теперь заметил, что тот смотрит на него „волком“. – Вот чертова кукла, уже разнесла по кораблю, что она стала первой леди „Полар Кинг“. Это же надо было так накушаться виски, чтобы угодить в ловко расставленные сети Джерри, которую избегал с первого дня своего появления здесь в качестве капитана. Как только ошвартуемся, замену ее на обыкновенного буфетного мальчонку – гарсона».

Капитан сочувственно взглянул на доктора и сказал:

– Извини док, так уж вчера получилось... После того, что ты мне поведал о пришельцах, я слегка перебрал... Джерри не в моем вкусе... Так, что ты...

– Не будем об этом, сэр, – перебил Хьюлетт, и в его глазах блеснул огонек надежды и предвкушение приятного вечернего барражирования по известному ему маршруту. «Капитан есть капитан и не стоит на него дуться», – подумал док и добавил: – Только что пришельцы сами попросили пригласить к себе старшего на борту.

– Ну вот и ладно. А ты док, сходи за Барром. им будет приятно посмотреть на своего спасителя, который достал меня своей назойливостью. Куда не сунешься – везде Питер. Уж не «голубой» ли он, док? Займись им на досуге. Шучу, конечно.

Доктор удалился. Постучавшись и услышав на чистом английском «Кам ин!» – Войдите! капитан вошел в дальний апартамент дока с табличкой на двери «Изолятор». Он был приятно удивлен, найдя его в полном порядке. «Умеет же, когда захочет», – подумал он о докторе и, сделав шаг вперед, произнес:

– Имею честь представиться, капитан «Полар Кинг» Дик Брайт. Рад приветствовать Вас на территории Соединенных Штатов и видеть в здравии. Откровенно говоря, мы тут испереживались...

Не дав закончить официальную часть, в изолятор ввалились доктор и Питер Барр. Капитан укоризненно посмотрел на матроса, и ему не оставалось ничего другого, как представить того пришельцам:

– А вот и ваш спаситель, Питер Барр собственной персоной.

Внук пулеметчика «Эрликона» не обучался в престижных учебных заведениях и, соответственно, не был знаком с правилами этикета, он был прост как навигационный знак отмели, поэтому без лишних предисловий бросился пожимать руки пришельцам.

– Так вы, говорят, американцы?

Мужчина проговорил как бы по слогам:

– Да... Спа-сибо, мистер... Барр... Мы... вам... обязаны... по гроб... жизни...

– Ну, что вы, – взволнованно зататорил Питер, – я, собственно... ничего особенного... вот фотографии, это вы... на льдине..., – и положил фотографии на прикроватную тумбочку.

– Ну, ладно, Питер, не утомляй наших гостей, у тебя еще будет время пообщаться, – вмешался капитан и далее обратился к пришельцам:

– Все же, кто вы и как объяснить все произошедшее? Экипаж теряется в догадках, вы появились словно призраки...

Мужчина чуть приподнялся и волнуясь произнес:

– Да, господа... Я призрак... Джон Мэхэн... капитан ВМС США, бывший некогда пилотом первого класса... палубного истребителя Ф-4 «Фантом» с... «Железного Айка»¹... авианосца..., а это – моя супруга... Джейн... То, что я вам расскажу, покажется невероятным... Мы стали полярными призраками... точнее... мы стали... подводными пленниками...

– Кем? – хором переспросили присутствующие.

– Я не ошибся... мы были на борту русской субмарины... она затонула... неделю назад... где-то севернее Шпицбергена... подо льдами... оставшиеся в живых движутся к Западному Шпицбергену... командира зовут Майкл... Миша...

¹ Кличка атомного многоцелевого авианосца «Дуайт Д. Эйзенхауэр». «Айк» – прозвище президента Эйзенхауэра. Девиз авианосца: «Наша цель – выполнить задачу, наше средство – качество, энтузиазм и твердость». Бортовой номер 69.

Глава 2. Судьбоносное решение Москва, зима 1981 года. Заседание Политбюро ЦК КПСС

*...Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем!..*

Интернационал

Кстати, это вполне могло быть...

Автор

Брежневу, в отличие от Хрущева, особенно в последние годы своего правления страной Советов, явно не нравилась буква «ь» – мягкий знак. И если его предшественник Никита Сергеевич к месту и не к месту добавлял ее – капитализм, империализм, социализм, – то Леонид Ильич решительно избавлялся от нее при первом же удобном случае. Он так и начал очередное заседание Политбюро ЦК КПСС:

– Друзья мои... Сегодня мы открываем заседание Политбюро ЦК КПСС обсуждением вопроса военного характера. Приглашены представители Министерства обороны, Главного штаба ВМС, главный конструктор, на мой взгляд, очень интересного проекта. Дмитрий Федорович, – Брежнев обратился к Министру обороны страны, маршалу Советского Союза Устинову, – с кого мы начнем?

– Общую стратегическую концепцию, Леонид Ильич, доложит Начальник Генерального штаба, частную – Главком ВМФ и научно-техническую – главный конструктор проекта.

– Нет возражений? И давайте, товарищи, покороче, товарищ Огарков, начинай.

– Товарищ Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель пр...

– Послушай, Николай Васильевич, – перебил Брежнев, – мы ведь не на съезде и даже не на пленуме. Ты «Малую землю» читал? Так точно, товарищ маршал Советского Союза!

– Сколько раз?

– Два! – наобум выпалил Огарков.

– Вот, давай проще... как у меня в книге – без титулов и званий. А то ведь мы, если начнем их перечислять, займем все наше время, отведенное на это заседание.

– Есть! Товарищи! Нынешняя администрация США в отношениях с СССР с первых же дней своей деятельности сделала ставку на военную силу. Как вы помните, в прошлом году еще при президенте Картере...

– Кстати, о Картэре. Хорошо, что напомнил, – снова перебил Брежнев, – я хотел ему об этом сказать, но так и не успел... Знаете, мне он больше нравился, чем этот Рэйган. Простой такой был, даже слишком простой. С ним можно было договориться. Не повезло ему с Ираном, с этими заложниками... И еще это... Джиммы... Президент и Джиммы... С самого начала устроил панибратство с собственным народом. Несэрезно как-то... То ли дело – Джэмс Элр Картэр...

– Джеймс Эрл, Леонид Ильич, – ненавязчиво поправил министр иностранных дел Громыко.

– Я и говорю, Андрей Андреич, Картэр Джэмс, но не Джиммы же. Он просто начал и так же просто проиграл, этому актеришке... А наобещал-то...

– Он однажды в Нью-Гэмпшире, опять внедрил министр иностранных дел, – дал отдельное обещание на счет своих обещаний. Так и сказал, «Даю вам слово, что не нарушу ни одно обещание». Как-то подсчитали, что он дал более шестисот обещаний, не выполнив и две трети из них. Ну разве можно в стране капитала давать обещание – сократить безработицу, например? Абсурд какой-то! И ни слова об интенсификации экономики, планировании, обеспечении высоких результатов производства при наименьших затратах. Поэтому при нем и спад в экономике начался, а Иран...

– Андрей Андреевич, – теперь настала очередь «серого кардинала» – Суслова, – мне кажется, тебя повело в другую степь. Ты еще вспомни, что Картер был командиром подводной лодки, – это как раз по теме...

– Михайло Андреевич прав, – поправил Брежнев, – мы увлеклись, продолжай, Николай Васильевич.

– Как вы помните, в прошлом году, еще при президенте Картере, в США была принята директива номер пятьдесят девять, в соответствии с которой число первоначальных целей на территории СССР увеличилось до сорока тысяч. На этом они не остановились. Уже в этом году новый президент Рональд Рейган объявил «стратегическую программу» на восьмидесятые годы, затраты на которую, по оценке Генштаба, составят более двухсот миллиардов долларов. Планируется размещение в Западной Европе американских ядерных систем средней дальности «Першинг-2» – более ста пусковых установок, и около пятисот крылатых ракет наземного базирования...

– Здесь надо заметить, – снова встрял Громыко, – что идеология внешней политики...

«Ох уж мне эти ерундиты, – подумал Брежнев, – сейчас заерундит: помню при Рузвельте, помню при Трумэне, помню при... ну, это вообще не выговорить – Дуайт еще и Эйзенхауэр... хаере... Лучше бы сказал: помню при Молотове со Сталиным... – был бы повод напечатать в газетах известную всем формулировку „по состоянию здоровья“. Но этот так не уйдет, этот здоровый как бык, можно сказать, не пьет и не курит... Умник, сначала разобрался бы с афганскими фракциями в НДПА – „халькистами“ Тараки и „парчамовцами“ Кармаля². Тоже мне, умник».

– Так вот, идеология внешней политики, – не унимался Громыко, – строится Рональдом Рейганом на основе его прежних, известных нам взглядов...

Брежнев взглянул на «умника» и опять вспомнил про афганские дела: «Эти» умники» насоветовали мне пойти на поводу у Амина – этого интригана с неуемной жадой власти и сталинскими замашками. Надо отдать должное, этот бывший учитель математики сумел поводить за нос Пузанова³ с Павловским⁴ и всю нашу команду и долго муссировал вопрос о военной помощи, ставя нас в трудное, тупиковое состояние с принятием решений по Афганистану. Умники... Насоветовали... идти на сотрудничество с попрошайкой Амином. А тот все просил и просил – пару дивизий, ну хотя бы одну бригаду для охраны его роскошного дворца. Получил, что просил. «Великий сосед», как он любил говорить, не стал мелочиться, и мы послали сороковую армию, предварительно побывав во дворце, где за стойкой бара Амина настигли осколки от нашей отечественной гранаты... Оправдывайся теперь за этих «умников» и «советчиков» – не смогли разобраться с двумя фракциями. Я всегда говорил, что наличие фракций в одной партии, кроме борьбы за власть, ничего хорошего государству не прибавит. А многопартийность, за отсутствие которой нас критикуют оппоненты на Западе, – это вечные разборки и хаос».

² НДПА (народно-демократическая партия Афганистана) соответствовало наименованию печатных органов партии: соответственно «Хальк» (народ) Нура Мухаммеда Тараки, убитого впоследствии сторонниками Амина, и «Парчам» (знамя) Бабрака Кармаля.

³ Посол Советского Союза в Афганистане.

⁴ И. Г. Павловский – генерал армии, Главнокомандующий сухопутными войсками СССР.

– Еще в 1964 году, – Андрей Андреевич окинул всех все тем же умным взглядом, осматривая, все ли его внимательно слушают, – Рейган выразил личное отношение к Советскому Союзу, назвав его «опасным врагом». Предвыборный лозунг Барри Голдуотера – «Мир через силу» – был также лозунгом Рональда Рейгана в 76-м и 80-м годах. Так что дух имперских амбиций президента совсем не случаен, тем более, что у него очень обширные связи с военно-промышленным комплексом США.

– Вы, Андрей Андреевич, попали, что называется, в точку, – продолжил Огарков, а Брежнев подумал: «Когда это они успели спеться?» – В связи с чем я перехожу к главному. У нас есть данные, что в ближайшее время США объявит еще одну программу. Суть ее состоит в достижении военного превосходства над СССР через космос, путем создания многоэшелонной системы ПРО – противоракетной обороны с элементами космического базирования. По замыслу Пентагона, основными компонентами такой системы должны стать принципиально новые виды оружия, в том числе лазерное и ускорительное, размещенные на космических платформах. Должен проинформировать уважаемых членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, лично Вас, товарищ Верховный Главнокомандующий, – Огарков задержал свой взор на Брежневе и, удостоверившись, что тот его внимательно слушает, продолжил, – что создание, испытание и развертывание подобного оружия в космосе запрещены Договором по ПРО 1972 года, – в этом месте докладчик Начальник Генерального штаба выдержал паузу, ожидая соответствующую реакцию в духе Андрея Андреевича, но никто не проронил ни слова. – У нас уже давно прорабатываются аналогичные разработки, думаю, мы не отстанем.

– Товарищ Громыко не случайно упомянул связи нынешнего президента США с ВПК. Должен отметить, что эти связи не лишены для Рейгана определенной экономической выгоды и дадут ему лично соответствующую прибыль. Сами американцы обратили внимание на тот факт, что объем средств для космической программы имеет оригинальную пропорцию и находится в прямой зависимости от расположения предприятий оборонного сектора в тех районах, которые имеют своих представителей в комитете конгресса по делам Вооруженных Сил или подкомитете по ассигнованиям на оборону. Больше всех средств – около пятидесяти процентов – получит Калифорния, губернатором которой в течение восьми лет был Рональд Рейган. Комментарии, как говорится, излишни. Уже началась борьба между двумястами крупными фирмами за получение заказов. В числе тех, кто будет иметь приоритет в реализации этой программы, такие крупнейшие корпорации, как «Локхид» – специализирующаяся на перехвате наших баллистических ракет, «Макдонелл-Дуглас» – разрабатывающая системы ПРО, «Рокуэлл интернэшнл» – имеющая хорошие результаты с лазерным оружием, и другие. Параллельно готовится пропагандистская кампания, цель которой – ввести в заблуждение американский народ и мировую общественность относительно целесообразности новых средств вооружения.

– С учетом вышеизложенного Генеральный штаб совместно с Главным штабом Военно-Морского Флота разработал оригинальную концепцию развития подводных стратегических ядерных сил на восьмидесятые годы, которая не имеет аналогов в мире и явится, в случае поддержки Политбюро ЦК КПСС, дополнительным гарантом безопасности страны. Теперь прошу предоставить слово Главнокомандующему ВМФ, адмиралу флота Советского Союза Горшкову.

– Давай, Сергей Георгиевич, – торопливо сказал Брежнев, – только суть, мы вышли из временного графика и в курсе идей твоих книг о морской мощи государства. Книги хорошие, но считай, что мы их уже прочитали.

– Ясно, Леонид Ильич. – Я буду краток. В соответствии с новой морской стратегией министра Военно-Морских Сил США Лемана и начальника штаба Уоткинса предусматривается, в случае кризисной ситуации, ведение активных действий у побережья СССР и других стран Варшавского договора во всех океанских и морских направлениях, – Главком ВМФ решительно взял указку и двинулся к карте мира. – Главной задачей считается блокирование и

разгром сил нашего флота в прилегающих к евро-азиатскому континенту районах до рубежей: остров Гренландия – остров Исландия – Великобритания на Атлантике и Алеутские – Курильские – Японские острова на Тихом океане. Реализация этой стратегии, по их оценкам, позволит захватить в свои руки стратегическую и оперативную инициативу на море, блокировать советский военно-морской флот и тем самым обеспечить безопасность своих трансокеанских стратегических коммуникаций...

– Сергей Георгиевич, – вмешался Брежнев, – ты нас так запугал, что мы уже готовы сдаться, – Леонид Ильич не лишен был чувства юмора, – Давай... что конкретно разработали...

– И сколько предполагаете запросить средств... – подал голос Предсовмина Тихонов, на что Генсек заметил:

– Николай Алексеевич, ты же на 26-м съезде партии говорил, что можно не сомневаться, наши доблестные Вооруженные Силы будут обеспечены всем необходимым... и так далее. Говорил? Что ж ты раньше времени запел не из той арии? Я и сам, как Главнокомандующий, знаю, что средств маловато, но надо... для обороны страны придется затянуть ремни еще потуже. Что еще, Сергей Георгиевич?

Главком ВМФ подошел к макету.

– Вашему вниманию предлагается проект атомной ракетной подводной платформы с восьмьюдесятью баллистическими ракетами неограниченной дальности стрельбы. В совокупности с шестнадцатью баллистическими ракетами на борту атомной подводной лодки – транспортера типового проекта – это девятью шесть ракет с семью боеголовками каждая – итого шестьсот семьдесят две цели в одном залпе. Место боевого патрулирования, основное – приполюсный район, резервное – район Новой Земли или по команде. Скорость транспортировки платформы – двадцать узлов. Подо льдами обнаружить платформу практически невозможно. Для противолодочного обеспечения будут привлекаться многоцелевые атомные подводные лодки. Для платформы разрабатываются средства противовоздушной обороны. Специальные телевизионные средства обеспечат всплытие в полынье, разработана система синхронного перемещения за отслеженной полынью, что позволит быстро занимать стартовую позицию. Использование оружия, товарищ Верховный Главнокомандующий, – по вашему приказанию, текущее управление платформой – по директивам Генштаба. В стратегическом плане мне видится такой вариант развития событий и использования платформы: империалисты, прежде всего США, следуя канонам прошлогодней директивы президента N 59, первыми пытаются нанести ядерный удар по территории СССР и стран Варшавского договора. Мы производим ответный. Империалисты все просчитали, им кажется, что за счет первых ударов шансов побудить у них больше. И тут, когда все выдохлись, по нашей команде – а она будет продублирована многократно – подводная платформа наносит упреждающие удары по одной цели в каждой из пятнадцати стран НАТО. Мы объявляем: СССР имеет ядерные средства ведения войны, но во избежание более катастрофических последствий предлагает полную и безоговорочную капитуляцию. Противостояние завершается, наступает новая эра в развитии человечества – социализм в мировом масштабе. Таков финал нашего замысла. Доклад закончил.

Концовка доклада произвела впечатление. Леонид Ильич встал, подошел к Главкому ВМФ и... по русской традиции трижды поцеловал его. Вопрос, без дальнейшего обсуждения, был решен, после чего Брежнев спросил у Горшкова:

– А где главный конструктор?

– Да вот он, Леонид Ильич, – Сергей Георгиевич показал на маленького хилого мужичка, – подойди сюда, Николай Сергеевич.

Все взгляды устремились на главного конструктора. Николай Сергеевич Буторин был небольшого росточка, плешивенький, с такой же маленькой, как и сам он, головешкой, в потертом костюмчике, при сером галстуке и в очках. Как это ни странно, но русским всегда везло на ломоносовых и менделеевых.

– Ну надо же, извини, конечно, Николай Сергеич, но как у тебя все это уместилось в голове? Так говоришь... платформа? Ну-ка, Расскажи-ка о ней.

Буторин был не робкого десятка, в противном случае он вряд ли сейчас стоял бы здесь, среди первых лиц государства. Работая в «оборонке» не один год, Николай Сергеевич знал, что, несмотря на очевидные преимущества проекта, ему предстоит преодолевать все мыслимые и немыслимые преграды, и чем выше он будет подниматься вверх по пирамидальной конструкции системы власти, тем труднее будет их преодолевать. Но основные трудности были позади, и единственное, что вызвало у него удивление, – оценка стоимости проекта. Почему все они восприняли его как дорогостоящий? Становилось совершенно ясно, что часть средств уйдет неизвестно куда и на что... «Сказать – не сказать», – вот о чем думал Буторин, когда Брежнев попросил его рассказать о платформе.

– С точки зрения технологии производства и тактико-технических характеристик платформа-транспорт – а я бы все это сооружение, с вашего позволения, назвал бы «Подводный комплекс» – явит собой новый шаг в подводном кораблестроении, аналогов которому в мире нет. Каждый аппарат комплекса автономен и способен выполнить задачи нанесения ядерных ударов самостоятельно. За основу транспортера взят подводный ракетноносец, состоящий на вооружении флота и называемый на Западе «Дельта»...

– Это не «Тайфун»? – последовал вопрос Брежнева. Ему нравилось название подводной лодки, о которой поведал миру в своем отчетном докладе на 26 съезде КПСС и, кроме того, он, как Верховный, хотел показать свою осведомленность в военном вопросе.

– Частично, товарищ Брежнев. Сам «Тайфун», был бы слишком громаден и сложно-управляем для плавания подо льдами. Кроме того, стыковке моделей мешали бы носовые горизонтальные рули «Тайфуна», у «Дельты» они расположены в рубочной части лодки. Как вы уже догадались, стыковочные узлы расположены соответственно: у первого модуля – в носовой части, поэтому носовые торпедные аппараты мы разместили в первом отсеке почти перпендикулярно диаметральной плоскости и параллельно плоскости мидель-шпангоута... – все стали сосредоточенно соображать, о чем это балакает главный конструктор, и Буторин сразу поправился: – Иначе говоря, торпеды самообороны будут стрелять перпендикулярно курсу движения, в бок; у второго модуля-платформы с ракетами стыковочный узел располагается в кормовой части; модули будут как бы въезжать друг в друга и фиксироваться мощными захватами и стопорами. Для удобства и надежности стыковочные узлы оснащены подводными телекамерами, имеются подруливающие устройства. У платформы есть свой реактор, обеспечивающий автономность, дачу хода до двадцати узлов и выработку электроэнергии всем потребителям. У «Дельты» два штатных реактора большой энергомощности, в рубку вмонтирована всплывающая камера для спасения всего личного состава. Второй модуль – это носовые отсеки «Тайфуна» с баллистическими ракетами, увеличенные вширь почти в два раза. Нам удалось разместить в нем восемьдесят ракет. Боевая служба будет осуществляться подводным комплексом в стыкованном положении. При этом второй модуль, в основном предназначенный для несения боевой вахты, будет иметь полный замкнутый цикл жизнеобеспечения, включая отдых и размещение по отсекам личного состава, организации питания сублепродуктами... – тут Николай Сергеевич сделал паузу: «Сказать – не сказать», и решил «не сказать» – себе дороже, а то ведь у него же финансисты и вырвут излишние, на взгляд конструктора, денежные средства. Он закончил свои пояснения и выступления в целом таким принятым в «застольные» времена образом: – Товарищ Брежнев! Дорогой Леонид Ильич! Мы оправдаем доверие родной Коммунистической партии и Советского правительства. Направим все свои силы для создания мощного подводного корабля, который станет надежным оплотом мира и безопасности советского народа, строящего коммунистическое общество. Эти слова коллектив судостроителей просит, с вашего разрешения, выбить на закладной доске в килевой части платформы.

Все посмотрели на Брежнева и тот сказал:

– Очень хорошая, полезная инициатива. Передайте, Сергей Николаевич, вашему коллективу, – все сделали вид, будто не заметили перестановки имени и отчества Буторина, – что Политбюро одобряет их начинания и будет всячески поддерживать. Дмитрий Федорыч! – обратился он к Устинову. – Держи меня в курсе реализации проекта. Если будут затруднения – действуй через Кириленко – это его сектор. Товарищи, может есть вопросы?

Какие могут быть вопросы, когда все решено? Но влиятельные люди Политбюро не забыли напомнить о своем присутствии.

– Леонид Ильич, – вмешался Суслов, видя, что дело с платформой положительно разрешилось. Кроме того, он был куратором КГБ и не упускал случая напомнить об этом, – мне кажется нелишним сказать о секретности темы и соответствующем обеспечении скрытости всех мероприятий, начиная с подбора кадров и вплоть до ходовых испытаний. Вспомните «Тайфун». В тот раз, когда я поднимал вопрос о секретности темы, все отнеслись к моим словам без особого энтузиазма, как само собой разумеющееся. Но еще до схода корабля со ступеней он уже красовался во всем своем величии с указанием основных тактико-технических данных в иностранном военно-морском журнале «Джейн».

– Михаил Андреевич прав, – вставил свое веское слово обладатель триста семидесятого кабинета серогранитного здания на Лубянке Юрий Андропов. – Я дам соответствующие указания по формированию допуска к информации по проекту. Комитет, совместно с Министерством обороны, обеспечит необходимую скрытость.

– Еще один нюанс, – опомнился Громыко обращаясь к министру обороны – Дмитрий Федорович, а как мы с этим проектом вписываемся в баланс стратегических вооружений?

– Да никак, Андрей Андреевич. Сказано же – обеспечить скрытость...

Устинов еще что-то хотел добавить, но не стал. Видимо, он хотел сказать, что после первых и ответных ядерных ударов не будет никакого смысла запускать ракеты с какой-то еще подводной платформы, потому что в этой войне уже не будет ни победителей, ни побежденных. По крайней мере, так им говорил их недавний товарищ, а ныне диссидент академик Дмитрий Сахаров... Идея нравилась Генсеку Брежневу, и это было главным!

Брежнев посмотрел на Черненко, ожидая, что и он что-нибудь добавит, но тот только улыбнулся. Генсек объявил перерыв на полчаса. Дискуссия, по его мнению, и так изрядно затянулась. Надо было ставить точку и переходить к более неприятным государственным делам.

Более всего «отца застоя» беспокоили сейчас не столько угрозы из-за океана, сколько близлежащие проблемы Афганистана и Польши. Все капстраны по-прежнему считали интернациональную миссию советских войск в Афганистане неприкрытой интервенцией, в следствие чего ухудшились дипломатические и экономические отношения на всех уровнях. Встреча в Польше в Варшавском дворце Виланово с Жискаром д'Эстэном не способствовала возобновлению широкомасштабных отношений между Востоком и Западом. Разрядка, о которой Генсек так много и долго говорил, рушилась под откос. Да тут еще Первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек со своими проблемами – мало того, что дезинформировал насчет июльской забастовки в Люблине, а потом и Гданьске, так он еще набрался смелости и назвал ввод войск СССР в Афганистан дорогостоящей ошибкой и опять-таки «интервенцией». Нет, не зря Андропов съездил в Белоруссию на встречу со Станиславом Каня. Замена Герека была необходима, хотя, конечно, жаль Эдварда, при нем страна расцвела – семидесятые годы в целом были неплохими для Польши по многим экономическим показателям.

Эдвард Герек уже не владел ситуацией в стране, и его поездка в Крым, где он пытался продемонстрировать полноту руководства Польшей, не сыграла своей положительной роли, к тому же, началась политическая забастовка на Гданьской судовой верфи. Герека обманывали свои же. Еще накануне люблинской забастовки ни партаппарат, ни милицейские службы не проинформировали его об ухудшении общественно-политической обстановки в стране. В Кремле

имелось предостаточно информации на этот счет, пришлось сказать прямо, по-товарищески: «Эдвард, у тебя контра, надо взять ее за морду, мы поможем...»

Да, много воды утекло с тех пор. Сам «отец застоя» был уже не тот: он перенес несколько инфарктов и инсульт, организм хирел от старости, не помогали и дорогие зарубежные лекарства. На всякий там «еврокаррилизм», расплзающийся по Европе подобно раковой опухоли, у него уже не было ни сил, ни здоровья.

Вопросы межпартийных взаимоотношений контролировались и синхронно отрабатывались четко отлаженным аппаратом Суслова, этого «серого кардинала», помешанного на сумасбродной идее быстрее слияния наций и народностей СССР, их языков и культур. Оторванный от жизни, он принес своей партии больше вреда, чем пользы. Плоды его бурной деятельности пустили глубокие корни в идеологию, историю, науку, культуру... Но он был нужен Брежневу, не блиставшему своими интеллектуальными способностями, эрудицией и общей культурой. Некомпетентный по многим государственным и политическим вопросам, Генсек приблизил к себе Суслова, ставшего главным действующим лицом на политической арене. Без его санкции не назначался ни один номенклатурный руководитель высшего ранга. Он не шефствовал над КГБ и МВД.

«Да, Герек-Герек... Не испытать бы его судьбу и разочарование в своих вчерашних друзьях-товарищах, – подумал кремлевский голова, усаживаясь после перерыва на свое место и обводя всех старческим взглядом. – Герек – это предупреждение. Предупреждение о том, что власть надо держать крепко, до последнего дыхания. «С некоторых пор он стал все чаще задумываться о своем преемнике. Генсек знал и о разладе в экономике, и о повсеместном и широкомасштабном воровстве, и о процветании по всей территории СССР беспробудного пьянства на фоне видимого благополучия... Не мог не знать, глядя на свою неуправляемую, но любимую дочь Галину, превращавшуюся на его глазах в заурядную алкоголичку; на обожаемого им зятя Юрия Чурбанова, занимавшего пост Первого заместителя министра МВД СССР, да мало ли еще на кого глядя. Кому доверить власть в своей необъятной по географическим размерам стране, чтобы потом спокойно уйти в мир иной. Кому? Средний возраст членов Политбюро перевалил за семьдесят, самому на днях стукнуло семьдесят пять. Те годы, когда он боялся конкурентов помоложе, скажем, Семичастного, Катусева, Шелепина, или поумнее, например, Подгорного, Косыгина, Воронова, – канули в лету. Программа удержания власти практически выполнена на девяносто девять процентов, сценарий торжественных похорон на Красной площади рядом с мавзолеем Вождя отработан во всех деталях. Чего еще желать? Все окружение им довольно. Еще бы- живут при коммунизме, который он им позволил создать!»

„Кому же доверить власть?! Может, Андропову? Земляк Суслова, умен, относительно молод – ему нет еще и семидесяти... Нет, не подойдет – слишком много знает шеф КГБ. Согласно Уставу КПСС преемником по должности должен стать Андрей Кириленко. Нет, темная лошадка. Уж лучше Константин Черненко – моя политическая тень. Но тот не руководил даже обкомом партии, да и улыбочка его слишком убаюкивающая. Странно, что Суслов не рвется к рулю, а он, пожалуй, самый толковый рулевой среди них. Непонятная и более чем странная позиция. Кто еще?“

В клан Брежнева входили также Тихонов, Кунаев, Щербицкий... Нет, это уже пошел второй круг вершины власти. В первом был еще Михаил Горбачев – секретарь по сельскому хозяйству... Нет, слишком молод преемник Кулакова, никто его не знает, новичка.

Итак: Андрей Кириленко, Константин Черненко и Михаил Суслов. Именно эти трое. Других Генсек пока не видел. 27 января 1982 года их станет двое – скорострительно скончается „серый кардинал“. Затем, неожиданно для всех, уйдет в тень формальный (по Уставу КПСС) преемник престола и главный соперник Черненко – Андрей Кириленко, отец „изменника Отечества“. Над ними, без рекламы и пышных застойных фраз, взойдет звезда Юрия Андропова.

Внутренняя борьба за обладание властью над страной Советов, а иначе говоря „Совдепией“, выходила на очередную финишную прямую...

Глава 3. Командир подводного атомохода Палдиски, Эстония. Лето 1981 года. Учебный центр подводного плавания ВМФ СССР

Love not war!
Любите, а не войните!
Лозунг хиппи 1968 года.

Было два часа ночи. В дверь одной из комнат офицерского общежития постучали. Скрипнула пружинами кровать, раздался недовольный голос:

– Старпом, ты что ли, мать твою так! Что еще тряслось?

В проеме приоткрывшейся двери появилась чья-то фигура. „Нет, не старпом, – подумал обладатель недовольного голоса, – ноги для него слишком хороши, ровненькие. К тому же без брюк, в юбке...“

– Извините, – раздался приятный женский голос, – но мне сказали, что вы поздно ложитесь спать, поэтому я...

– Так вы ко мне или по делу? – ему все больше нравилось такое продолжение ночи.

– Видите ли, по делу... Один из ваших подчиненных, по фамилии Бусько, написал на двери моей комнаты, с помощью тюбика зубной пасты, одно нехорошее слово.

– Что еще за слово?

– Ну, пусть он сам скажет. Не называть же здесь. И прикажите, чтоб больше ко мне не приставал.

– Как вас зовут, таинственная незнакомка?

– Лара. И я вовсе не незнакомка. Вы через день видите меня в вестибюле, я дежурю на ключах.

– Так вот, Лариса Батьковна. Я, конечно, с ним разберусь. Оскорблять женщину непозволительно для военного моряка. А что касается приставаний – это от вас зависит, как, впрочем, и от любой женщины. Вы, вероятно, сами дали повод для ухаживания за вами, не так ли? Приказать не могу, сказать – скажу. Хэв ю эни квэшнс?

– Чего?

– Я говорю, есть еще вопросы?

– Вроде все. Так я пошла?

– Ступайте, с богом.

Когда она сказала, что дежурит на ключах, у разбуженного обитателя офицерского общежития пропал весь, разыгравшийся было, аппетит. Но он живо представил ее внешний облик и подумал про себя: „Ну и вкус у этого Бусько – найти себе такого крокодила. Разве что для удобства: все под рукой, никуда ходить не надо, но все же... Вот так и живем“.

Я ворочался на пружинах неудобной кровати и не знал, как начать этот рассказ о себе. Тут как раз и постучали...

Я сплю голым – училищная привычка, и если бы дежурная на ключах знала эту пикантную подробность, то могла бы заглянуть попозже и вдоволь налюбоваться обнаженным телом командира подводного атомохода. Как я им стал? Ну как вам сказать: и сложно, и просто. О влиянии наследственности не может быть и речи. Мой отец был военным, дослужился до полковника и умер в госпитале, когда проходил медобследование перед увольнением в запас. Ему не было и пятидесяти, но он успел сделать все от него зависящее, чтобы я не пошел по его стопам. Он агитировал за „гражданку“, приводил массу примеров и доводов о неустроенности военной жизни, скитаниях по гарнизонам, бесправии... В общем, был против, Мать, всю свою

сознательную жизнь скитавшаяся вместе с ним, придерживалась такого же мнения. Они были умными и опытными, мои старики, и по-своему правы. Я же, как упертый баран, шел к своей цели. Правда, не сразу.

Сначала, я поддался-таки родительским советам и поступил в универ, то есть в университет, на ин. яз. То есть на иностранный язык. Учился средне, не высовывался. Ближе к зиме мне надоели нескончаемые пьянки с поводом и без, вечное безденежье и безделие. Мне стало казаться, что в армии все будет четко и ясно – от подъема и до отбоя. Написал заявление, отчислился и без особого умственного напряжения упек себя на двадцать пять календарных лет в ВМФ. Тогда любили подбирать шатающихся без дела юношей из универов и тому подобных вузов и зачисляли их с превеликим удовольствием. Помню, был один даже из МГУ с огромным „чайником“, то есть головой. Его так и прозвали – Чайник. А вслед так и говорили: „Смотри, Чайник пошел“ или „Не знаешь – спроси у Чайника!“

Мне было абсолютно безразлично, на какой факультет зачислят. Попал, как выяснилось позже, удачно – на штурманский. Проложил боевой курс и протопал все этапы пятилетнего обучения в „тюрьме народов“, то есть высшем военно-морском училище. Каждый этап имел свое символическое название:

- 1-й курс – „Без вины виноватые“;
- 2-й курс – „Человек с ружьем“;
- 3-й курс – „Веселые ребята“;
- 4-й курс – „Женихи“;
- 5-й курс – „Отцы и дети“ или „Их знали только в лицо“.

Это я уже позже узнал, что слово „курсант“ расшифровывается так:

Квалифицированная

Универсальная

Рабочая

Сила,

Абсолютно

Не желающая

Трудиться.

А название училища КВВМУ так:

Когда

Выучат,

Вымучают —

Можешь

Уходить.

На выходе я был зрелым курсантом с погонями лейтенанта ВМФ, в левой руке нес чемодан со всеми накопленными пожитками, правая оставалась свободной – для отдания воинской чести, а рядом параллельным курсом семенила моя избранница на седьмом месяце беременности. Затем мы вышагивали по сопкам удаленного гарнизона подводников Северного флота СССР, и Катя – так звали мою первую жену – вот-вот должна была родить. Это случилось, но уже без меня. Когда я вернулся из автономки, сыну было полгода. Когда вернулся со второй – он уже бегал. А когда вернулся с третьей, сын спросил: „Мама, а что это за дядя к нам пришел?“ Жена ответила: „Это, Коленька, твой папа“, на что Коленька задал второй вопрос: „А дядя Витя тогда кто?“

Со своей второй женой я познакомился в доме отдыха КЧФ. Да-да, в том, что в Ялте, являющемся филиалом военного санатория „Ялта“. В народе его еще неофициально кличут публичным домом ВМФ. Не знаю, как сейчас, но тогда, в середине семидесятых годов, он был настолько обветшалым и убогим, что моряки, проживавшие в восьми – десятиместных

палатах, то ли с горя, то ли от скуки, искали себе всяческие приключения и... находили. Нашел себе и я – вторую законную жену. Назовем ее Наташей – через год мы разошлись, как в море корабли.

Третья жена... О, это отдельная история, кладезь неопубликованной философской мысли! Когда я на нее смотрю, то вспоминаю высказывание Сократа: „Женись, несмотря ни на что. Если попадется хорошая жена – будешь исключением, а если плохая – станешь философом философом“. Теперь я философ, прошедший все служебные ступеньки: командир электронавигационной группы, командир штурманской боевой части, помощник командира атомохода, слушатель офицерских классов, старпом командира атомохода, командир атомохода... обещают послать в академию, если не „сгорю“ из-за „любимого“ личного состава.

Командиром стать и сложно, и просто. А „сгореть“ можно элементарно, в один присест.

Итак, что мы имеет. У меня нет ни одного ордена, куча юбилейных и „песочных“ – за выслугу лет – медалей. Но меня украшает „лодочка“ – знак командира подводной лодки. Мне тридцать восемь лет, я относительно молод, но уже капраз – капитан первого ранга, при третьей жене и алиментах от первого брака. Говорят, что грубиян и горлопан. Врут, ей богу, врут. Вы же видели – незнакомка постучала и я ее „не послал“, а наоборот, культурно пообщался. Так что не верьте им всем – завистники врут, „шерлоки холмсы“, все ищут промашки командира. А он, командир, всегда на виду и за все отвечает.

Да, фамилия моя самая обыкновенная, русская – Смирнов Михаил Степанович, рост – сто девяносто сантиметров, вес – за сто килограммов. Особые приметы – я почти лысый, и у меня удар быстрее мысли. И еще. Без излишней скромности, потому что знают все – я настоящий моряк и надежный в море командир. Если бы не это, то давным-давно учился бы в академии. Беда всех толковых командиров – они настолько устраивают своих начальников, что становятся якобы незаменимыми. А время идет, и возраст начинает поджимать: глядишь – и уже неперспективный. Все это сказывается на нервной системе, и вообще, сейчас я встану и накажу всех, если мне не достанут вместо этой карцерной, а не панцирной, нормальную кровать или диванчик...

По дороге в учебный центр общался с местным комендантом. Тот просил „шила“, то есть спирт, на нужды. Дать бы ему не „шила“, а по его пропитой роже. Но дать придется не по роже, а ему лично в руки, иначе этот „сапог“, то есть не морской человек, пересажает всех моих нарушителей формы одежды на „губы“ – гарнизонную гауптвахту. В этом случае мне пришлось бы в пятницу на очередном докладе у начальника центра – он же начальник гарнизона – стоять по стойке „смирно“ и выдумывать оправдания. Надо дать...

Прохожу КПП – контрольно-пропускной пункт учебного центра. Я капраз⁵, и все отдают мне честь, но каждый раз, подобно моему старпому, что-то просят. Какой пропуск? Ах, пропуск! Натя ваш пропуск. Здесь это четко. Без пропуска наши братья-азиаты не пропустят даже командира атомохода.

А вот и мои охламоны. Стоят, голубчики, дожидаются. Меня ждут, кого же еще? А дождик капает: кап-кап... Дежурный по части чух-чух по лужам, побежал, бедолага, докладывать: „Т...щ командир... происшествий не...“ Слава богу – не случилось! Это у него не случилось, а у меня случилось – меня потревожили! Командира атомохода разбудила какая-то дежурная на ключах из-за многолетнего Бусько, дорвавшегося до свободы действий вдали от своей семьи. А вы говорите – не случилось. Очень даже случилось.

Теперь старпом – „Р-я-я-я-йсь... Смир-р-р-ра!“ Только и научился, что „равняйся“ да „смирно“. Блатной, ой блатной! и что интересно – спихивают с корабля на корабль, и он вроде как растет... Вот, дорос до старпома, а „лодочки“-то командирской нет, не дается „лодочка“. Тут папа – адмирал с мамой-адмиральшей не помогут – черепок должен соображать, не то уто-

⁵ Капраз, каперанг, кавторанг – сокращенно капитан первого, второго ранга.

пит экипаж, а вместе с ним – и подводную машину с двумя реакторами, стоимостью в миллиарды рублей. Здесь блат бессилён. Надо мне надежного старпома, а этого спихну в академию, пусть учится. Может, поумнеет, и флот не пострадает. А вы говорите: „Ря-я-йись...“

Кто еще? Заместитель по политической части, или просто – „зам“. Контролирует меня, представитель партии, как бы я чего лишнего не болтнул не подумавши. Ну, с этим хоть в нарды наиграешься. Правда, гад, выигрывает у самого командира! Академик... Конечно, их там в Москве натренировали за три года у командиров выигрывать. Как он говорил-то: „Спасибо партии родной – за трехгодичный выходной!“ Вот он и выигрывает теперь, гад, у меня, у командира атомохода! В политотдел собрался... Дуля тебе, а не политотдел, до тех пор, пока не научится играть с командиром.

– Т...щ командир! – старпом сделал объявления и сейчас чего-нибудь попросит. – Прошу разрешения распускать строй!

– Они и так у тебя распушенные – дальше некуда. Офицерам и мичманам остаться – остальные на занятия, и без перекуров. Становись буквой „п“ – командир речь будет говорить.

Быстро сомкнули строй, загнули левый и правый фланги. Получилось что-то вроде буквы „п“ – „покой“ по флотской азбучной терминологии. Обычно я начинаю свои речи издали:

– Товарищи военные, доценты с кандидатами, кончайте ваши опыты... – и далее в том же духе, почти как у Высоцкого в известной песне. – В то время, как Родина ждет героев, нехорошие тетеньки рожают придурков. К примеру, мичман Бусько. В нашем легендарном северном гарнизоне он, вместо того, чтобы скромно постучаться в дверь к командиру и спросить, не угодно ли тому маринованных огурчиков, в пьяном угаре, в ходе очередной семейной ссоры, выбрасывает огурчики в окно, и они на глазах изумленной публики погибают на асфальте. Так, Бусько?

– Было, т...щ командир.

– Вот! А что он учудил вчерась, вы знаете...

Хорошо, что „зам“ вовремя тормознул меня, дернув за рукав кителя, а то бы я ляпнул лишнее, и уже завтра весь поселок подводников загудел бы в обсуждении подробностей „дела Бусько“.

– Да? Да! „Зам“ как всегда, прав, все свободны. Бусько, ко мне!

Я бы мог перевести свою речь на другую личность и поупражняться в словесности, но в учебном центре строго следили за распорядком дня и переписывали всех опоздавших на занятия. Все это и иже с ним всплывало в пятницу на докладе, поэтому без десяти девять я сделал паузу, выделив две минуты на аудиенцию со своим соседом по дому Ваней Бусько. Это был уникальный подчиненный.

В море он пахал, как „папа Карло“, ему не было равных среди гидроакустиков. Все состязания среди „ушей подплава“ на флотилии подводных лодок он выигрывал играючи. Но как только его косолапая нога ступала на землю – все, командир, жди ЧП. Вот такой „фрукт“, а точнее сказать „овощ“ этот Ваня.

– Послушай, Ванюша. Когда ты выбрасывал свои поганые огурцы с пятого этажа – я, по соседски, молчал. Когда ты в очередной раз вешался, и твоя жена бегала будить „зама“, горлопана на весь поселок: „Ванечка вешается!!!“ – я молчал. Когда ты подрался с соседом и сбежал от милиции – я молчал. Но когда из-за тебя местная проститутка будит командира ракетного подводного крейсера стратегического назначения Краснознаменного соединения подводных лодок Краснознаменного Северного флота – я молчать и прикрывать тебя не буду! Я тебя просто вышвырну по статье 46-ж „за дискредитацию воинского звания мичман“. Терплю тебя только по причине твоей многодетности, вижу перед глазами трех твоих пацанов и тепло. Но всякому терпению приходит конец» и вообще, что за вкус? У тебя такая симпатичная жена, а ты общаешься с крокодилом в юбке, любитель экзотических животных.

– Т...щ командир! Тут дело принципа. Я этой, как вы говорите, «крокодиле», уплатил вперед боновую книжку. А она теперь куврыжится, цацу из себя строит.

– Двадцать пять рублей чеками Внешторгбанка, – вклинился «зам», – это считай двести пятьдесят рэ по нынешнему курсу. Не продешевил ли, Ванюша? Я бы этой образине и копейки не дал.

– Так я и говорю, – оправдывался Бусько, – дело принципа.

– В общем так, – слово было за мной, – разбирайся как хочешь, но если она ко мне еще раз постучится – пищи завещание, усек?

– Так точно, Т...щ командир.

– Что ты там ей на двери нарисовал?

– Ясное дело: «Лариска – б...!» Еще что-нибудь надо было, т...щ командир?

– Надо было кобыле хвост занести! Не борзей Ваня, понял? марш на занятия!

Ваня засеменял на своих кривульках, аудиенция завершилась. «Надолго ли его хватит?» – подумал я и, оставшись с «замом» наедине, решил его повоспитывать. Делаю это, как учили, с пользой для военного дела:

– Петрович, – «зама» зовут Николай Петрович, фамилия почему-то совсем не флотская – Солдатов, – ты меня знаешь, я в твои общественные дела не лезу. Когда надо, даже на партбюро поприсутствую, выступлю на собрании. Но должен тебе по-товарищески сказать: ну нельзя же быть таким не флотским офицером! Что вы там, в академиях, совсем, что ли, свихнулись? Какого черта ты на женсовете выдал разъяснение по суммарной зарплате, которая записывается в партбилет. Моя мисс понятия не имела о моей зарплате, а партбилет всю жизнь пролежал в моем сейфе. В итоге она устроила мне головомойку и ревизовала зарплату за последние три месяца. Затребовала всю мою «заначку», пришлось раскошелиться перед Палдиски. Теперь не то что в кабаке, в пив-бар голову не высунешь. Хорошо хоть «шило» есть, а иначе можно совсем свихнуться с такими как Ванечка.

– Видишь ли, Степаныч, – настала очередь оправдываться «заму», – старпомиха на женсовете, как это принято у ба-с, решила показать свою осведомленность в этом вопросе. Ну а кто ей шепнул – не знаю. Врать не умею, пришлось подтвердить.

– Ну и козлы же вы, братцы! Извини, конечно, но надо быть деревянным по пояс, чтобы за один вечер парализовать годами законспирированную систему «значки». А этого деревянного по пятки старпома я завтра же выдвину на очередное повышение, пусть готовится в «академию». Завтра же...

«Зам» вроде как обиделся и отвалил в сторону, правдист несчастный. То с газетой «Правда» приставал – подпишись, ты же командир, надо, орган ЦК все же. Подписался. Теперь очередную правду-матку выдал. Поделом ему, поделом... Ну и помощнички мне достались – не знаешь, какой очередной фортель-мортель выкинут. Я всегда был против этих женсоветом. как говорил Сталин, есть человек – есть проблемы, нет человека – нет проблем, так и у нас: появился женсовет – народились проблемы. Чертов академик! Загубил все пролетарское дело, хоть иди и бутылки сдавай...

Вот я и на месте. Начинаем зачетное КБУ КБР РА. Расшифровываю: зачетное корабельное боевое учение корабельного боевого расчета по выходу в ракетную атаку. Сколько раз мы его проигрывали? Сбился со счета. Ну давай, старпом – «Ря-я-ясь!» Кукарекать вроде бы научился, теперь покажи достижения в ракетной атаке.

Центральный пост учебного центра смонтирован один к одному, как на подводной лодке, с натуральными кренами и дифферентами. Все, кто не имеет боевого поста в центральном, разбросаны по этажам центра и отрабатывают свои задачи. Самое смешное то, что реактор действующий. Так что наш учебный центр – на уровне мировых стандартов, а может быть, и лучше.

Итак начали: БИП – боевой информационный пост – анализирует внешнюю обстановку в районе старта; штурман выдает координаты места – от этого зависит точность стрельбы; механик и боцман удерживают лодку в заданном коридоре по глубине погружения. Каждый при деле, тихо. Слышно шуршание бумаг – старпом работает с документами, тикают секундомеры. Все напряжены. Наступает момент «ч», и все начинают орать, перебивая друг друга, – докладывают старпому. Наконец и он орет мне:

– Т...щ командир! Есть условия старта...

Молодец, запомнил, наконец, перечень всех докладов и команд. Куда подевался «зам»? Нет, он не в политотделе, он при важном деле – отвечает за достоверность сигнала, полученного на применение оружия. У американцев тоже кто-то этим занимается, но замполитов у них нет. Капеллан, то есть, поп, к этому не допущен – значит, кто-то из офицеров.

Я совсем забыл про главное действующее лицо – командира ракетной боевой части – БЧ-2. Мне вспомнились стихи, сочиненные мною на досуге:

Строгое, серьезное лицо,
Несколько сосредоточен взгляд.
Кому-то станет очень горячо.
Если прозвучит команда «Старт!»

Вроде бы в рифму, но команды «Старт!», как и каких-то символических кнопок, давно уже нет. Все операции производятся автоматически, и нам остается их отслеживать на приборах управления, в частности на ПУ РО – пульте управления ракетным оружием.

За переборкой кто-то из местных специалистов стукнул кувалдой о палубу. Командир БЧ-2 прокомментировал:

– Ракета вышла! Замечаний нет!

Конец ракетной атаки. Зачетное КБУ сдано с оценкой «отлично». Теперь можно расслабиться. Пойду в общагу, старпом подстрахует, если что.

После обеда ко мне в номер опять постучали. «Неужели дежурная на ключах?» – мелькнуло у меня в голове. Бедный Ванюша, я ему не завидую, если это опять Лариска. Нет, на этот раз старпом.

– Т...щ командир! Вас Яндолин вызывает к пятнадцати часам.

Первая мысль: кто-то из наших «залетел». Просто так начальник учебного центра не вызывает. Неужто из-за трилогии Брежнева? Вчера начПО – начальник политотдела учебного центра – доставил меня, заявив, что я – единственный из командиров, кто еще не предъявил ему конспект бессмертных произведений Генсек – «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». И «Целина». И вляпался по глупости. Вместо того, чтобы сказать «Есть!» и, как делают все отцы-командиры, посадить матроса с каллиграфическим почерком переписывать трилогию, освободив его от всех дежурств и вахт, я начал спорить. И вот результат – начПО заложил меня Яндолину. Язык мой – враг мой.

В кабинете контр-адмирала Яндолина, помимо начПо, я обнаружил своего бывшего командира дивизии, теперь адмирала из Главного штаба ВМФ, какого-то невзрачного лысого в гражданке и Серегу Попова – командира второго экипажа нашей «дельты».

– А вот и Михаил Степанович Смирнов, командир первого экипажа, – представил меня Яндолин, и я сразу понял, что дело не в трилогии. – Знакомьтесь, это главный конструктор нового проекта Николай Сергеевич Буторин, – Яндолин указал на лысого. Ну а вашего протеже и бывшего комдива адмирала Иванова мне представлять не надо. Перейдем к делу. Павел Васильевич, вам слово.

– Я буду прямолинеен, – начал свое вступительное слово бывший комдив атомоходов. – Дергаться бесполезно. Мы люди военные, коммунисты, поэтому без лишних эмоций. Вы оба

отобраны квалификационной комиссией Главного штаба ВМФ для выполнения специального правительственного задания. В случае удачи в испытании новой техники каждому гарантирую звезду Героя Советского Союза. Так что ваши временные трудности, связанные с переездом в Северодвинск, и прочие неудобства окупятся сполна. Не скрою, я вас сам рекомендовал как лучших командиров атомоходов. Кроме того, вас командирский штат по воинскому званию утвержден Главкомом, и с началом ходовых испытаний вы будете представлены к званию контр-адмирала. Перспективы неплохие, мне бы в ваши годы кто такое предложил! Давай, Николай Сергеевич, чертежи, чтобы всем все стало ясно.

– Товарищи подводники! Вашему вниманию предлагается проект ракетной подводной платформы... – Буторин поехал по накатанной схеме доклада и угробил на это без малого час времени. Он и сам устал от своих выступлений, но сейчас понимал, что общими формулировками уже не обойтись, командиры-практики подвергнут его самому серьезному экзамену. Тут как раз и началось...

– Так какое говорите суммарное водоизмещение? – естественно, это был мой вопрос. Сейчас я этого «кучерявого Курчатова» быстро верну на грешную землю!

– Тридцать тысяч тонн.

– А суммарная длина?

– Двести пятьдесят метров.

– И вы думаете, что я эту махину всуну в...?

– Михаил Степанович, – одернул меня бывший комдив, – выбирай выражения. Николай Сергеевич гражданский человек и...

– Нет-нет, – перебил Иванова Буторин, – он практик и задает естественные вопросы. Признаться, я больше всего боялся не заседания Политбюро, а именно этой встречи. Она для меня своего рода экзамен, и я хочу, чтобы вы это звали. А что касается военно-морской терминологии, то за сорок лет работы в оборонке и не такое доводилось слышать. Пожалуйста, Михаил Степанович – ваши вопросы.

– Так я и говорю, – Буторин становился мне все более симпатичен, – что трудновато будет втиснуться в полынью при таких размерах. Я и на своей «азухе» с двенадцатью баллистическими ракетами еле-еле втискивался, дифферент на корму держали градусов десять – двенадцать, вся корма и половина горба с ракетами оставались подо льдом. А вы говорите – вести пятьдесят, плюс сложная конфигурация, – я взглянул на начПО, как бы взвешивая все за и против, вспомнил про трилогию Брежнева и, к изумлению представителя компартии в Вооруженных Силах, выпалил, – Тем не менее, несмотря на всю степень риска, я готов по приказу родной ленинской партии, Политбюро ЦК КПСС, советского правительства выполнить любое задание Родины!

От такого поворота разговора у начПО самопроизвольно задергался левый глаз, Серега хитро улыбнулся, а Иванов, знающий меня как облупленного, фамильярно заметил:

– Миша, мы это знаем, поэтому выбрали именно тебя командиром первого экипажа.

Яндолин посмотрел на начПО и, чувствуя, что тот собирается с силами, чтобы напомнить окружающим о своем присутствии, быстренько вернул всех в плоскость основного разговора:

– Вы знаете, что Героя Союза я получил за испытания и опытную эксплуатацию «тайфуна», как его величают в высших кругах страны. Да, действительно, управлять им сложно при подледном плавании. Но, как это сделал бы любой командир, я стал приспособливаться к проекту. В итоге уловил толщину льда, которую способен проломить, чтобы создавать собственные полыньи.

– Я понял, Михаил, к чему ты клонишь, когда говоришь о дифференте, – вклинился Иванов, тем самым давая понять, что он здесь главный, – речь идет об условиях применения оружия, не так ли?

– Так точно, товарищ адмирал! – еще раз выпалил я.

– Ну и характер у тебя, Степаныч! Не ставь меня в неловкое положение, здесь не строевой смотр, мы говорим о судьбоносном решении Политбюро ЦК КПСС, которое мы все обязаны выполнить, – каждый на своем месте. Не так ли, Игорь Константинович?

Игорь Константинович Ушастый – это и есть начПО.

– Точно так, Павел Васильевич.

– Так вот, Михаил, для вас будет оговорено тактическое условие применения оружия. Вы будете использовать оружие не с получением сигнала на применение, а в назначенное время. Как видите, разница существенная, потому что лодка ваша особенная. Вы – гарант победы социализма над капитализмом в случае развязывания войны против СССР или стран содружества. Об этом я еще подробно буду с вами беседовать. В аварийной обстановке пульнете торпеду с обычной боеголовкой – пробьете себе полынью. Более того, испытаете устройство для быстрого таяния льда. Теперь удовлетворен?

– Не совсем, – думали, что Смирнов угомонился, а я еще и не начинал. – Насколько я понял из чертежей, лодка, как и все типовые проекты, покрыта слоем резины. Резина начнет плавиться вместе со льдом, не так ли/

– Что скажешь, Николай Сергеевич? Я этот нюанс упустил, – откровенно признался Иванов.

– Совершенно уместный вопрос. Но дело в том, что подогреваемые плиты, как и все остальное в лодке, выдвигаются и задвигаются. Они не будут соприкасаться с корпусом при работе в режиме подогрева и будут выдвигаться, как только носовые телекамеры обнаружат появление сосулек ледового поля. Полный нагрев произойдет в течение тридцати – сорока минут, после чего вы как бы пропашете себе траншею на всю длину лодки.

– Хорошо, с этим ясно. Теперь о стыковках модулей. У нас нет никакого опыта и вообще, Николай Сергеевич, – я первый раз назвал конструктора по имени-отчеству, – что, все стыковки возможны только под водой?

– Нет, Михаил Степанович, – «Сработаемся», – подумал я, принимая – подумал я, принимая ответную вежливость Буторина, – можно, и это даже проще, стыковаться в надводном положении, но Север, знаете ли... Штилевая погода бывает редко, поэтому проектировали, исходя из худших погодных вариантов. Идеальные условия для стыковки – на глубине сто-сто пятьдесят метров, погода никоим образом не влияет. Будете с командиром второго экипажа по очереди тягать платформу с ракетами. Мы, кстати сказать, заложили два транспортера, поэтому возможно, что экипаж второго командира станет не вторым у Михаила Степановича, а как бы сам по себе – только платформа будет одна для всех.

Это что-то новое, Николай Сергеевич, я первый раз от вас сейчас услышал об этом, – на лице Ивана отразилась обида – как же, он вроде был здесь главным до появления в эфире этого новшества!

– Видите ли, я и сам не хотел об этом говорить, но меня ошарашил ваш министр обороны Устинов, когда в телефонном разговоре по спецсвязи выдал, что Кириленко вытряс из Тихонова дополнительные денежные средства на всю программу. А это означает – второй транспортер будет. Остается надеяться, что там, наверху, ничего не изменится. Между нами: Дмитрий Федорович Устинов, как бывший «оборонщик», по секрету сказал, что у Леонида Ильича большие проблемы со здоровьем. Надеюсь, эта информация останется в стенах данного кабинета.

– Однозначно! – уверенно выпалил Яндолин и вперся взглядом в начПО – дескать, попробуй только заложи!

– Николай Сергеевич, – подал голос Серега Попов, явно осмелевший после того, как услышал от Буторина, что он не второй теперь, а сам по себе. «Сейчас умные вопросы начнет задавать, набивая себе цену!» – подумал я и в подтверждение своей мысли услышал его вопрос

к главному конструктору: – С точки зрения технологии производства стыковки транспортера и платформы в прочный корпус, вероятно, будут вмонтированы какие-то средства наблюдения?

«Ну, завернул Серега! – подумал я. – Неужели нельзя просто спросить: будут ли в прочном корпусе телекамеры?»

– Да, Сергей Александрович, будут. В основном, это телевизионные средства.

– Стыковочные узлы обеспечат надежность сочленения модулей? – не унимался умный Серега.

– Конечно. Для этого предусмотрены специальные захваты.

– Еще раз вернемся к всплытиям в полынье. Я надеюсь, все понимают – для командира атомохода, применяющего ракетное оружие баллистического действия, это не праздный вопрос. Что еще предусмотрено для облегчения поиска полыньи?

– У вас будет вмонтировано более десяти телекамер по всей длине комплекса, плюс спецаппаратура для подбора и отслеживания полыньи первого всплытия. Если полынья вас устроит, вы сможете привязаться к ней и дрейфовать, отслеживая ее на приборах. Будет и аппаратура точнейшего измерения толщины льда. Так что торпеды для пробивания полыньи, о которых говорил Павел Васильевич, вам, судя по моим расчетам, вообще не понадобятся.

– Все это звучит великолепно, Николай Сергеевич, – теперь наступила моя очередь задавать умные вопросы, – но меня уже больше интересует не столько проблема всплытия, сколько эксплуатация ЗУРО – зенитного управляемого ракетного оружия. На подводных лодках Советского Союза и стран содружества, впрочем, и у империалистов, ничего подобного нет. Или я не прав?

– Я отвечу, – вклинился Иванов. – Открою вам маленькую военную тайну. Мы скопировали систему ЗУРО с английской «Слэм», разрабатываемой фирмой «Виккерс» на основе войскового ЗРК «Блоупайп» для планируемого вооружения подводных лодок. В отличие от шестиконтейнерной английской, наша будет похожа на «Стрелу», состоящую на вооружении надводных кораблей ВМФ. Пусковая установка и станция обнаружения целей будут находиться на выдвижной телескопической мачте с гидроприводом, а в походном положении – в рубке. Внутри мачты находится транспортер оригинальной конструкции. Он предназначен для подачи ракет класса «корабль – воздух». Предвижу ваш вопрос о специалистах по ЗУРО. Они уже отобраны и проходят легководолазную подготовку в Ленинградском учебном центре подводного плавания, так как ранее проходили службу на надводных кораблях. Сами понимаете, подводник и надводник – это не одно и то же.

– Но для стрельбы подобного рода ракет станция обнаружения целей начнет излучать, – не унимался я, – одно ее включение, и радиоразведка противника будет «на ушах»! Они нас засекут, а те, кому положено, уничтожат. Как быть, Павел Васильевич? Вопрос конкретно к вам.

– Согласен, вопрос серьезен. Но если смотреть шире, то вы поймете – старт девяносто шести баллистических ракет не останется незамеченным для супостата. Главное назначение ЗУРО, а точнее сказать, ЗРБ – зенитной ракетной батареи – сбивать во время старта баллистических ракет все пролетающее рядом в радиусе тридцати километров. Ее скорострельности и запаса ракет позавидует любой надводный корабль, аналогов в мире нет. Мы провели успешные испытания на полигоне ВМФ на черноморском побережье, после которых Устинов затребовал береговой вариант ЗРБ для охраны Кремля. У вас ЗРБ будет задействоваться при каждом учебном пуске баллистической ракеты. Вы можете стрелять и из-под воды, но глубина погружения при этом не должна превышать тридцать метров.

– В принципе, по платформе все ясно, Пал Силыч.

Иванов улыбнулся, потому что я назвал его так, как было когда-то заведено промеж командиров, и ему это нравилось. «Пол» – понятно, Павел, а «Силач» – не столько Васильевич, сколько его диковинная сила рук. Вновь назначенные командиры лодок удивлялись, когда

после представления по команде комдив предлагал помериться в армреслинге. Получив краткую характеристику – «Слабак!», изумленный новичок ретировался. Бывали, конечно, исключения, и таким исключением стал однажды ваш покорный слуга. «Еще поборемся», – сказал поверженный Пал Силыч, но больше со мной не тягался. Особенно, когда узнал, что во время одной из швартовок я, прокричав: «Реверс!!!», то есть аварийную дачу заднего хода с переднего, отбросил начальника штаба дивизии метра на три от «Каштана» – переговорного устройства с центральным постом, – когда тот попытался мой «реверс!!!» отменить. Позже, на разборе «полетов», выяснили – я был прав, но НШ – начальник штаба – затаил на меня зло. Жду последствий...

– Когда в путь-дорогу, Пал Силыч? Мы ведь еще не доучились!

– Приказ на вас уже есть, на днях получите спецпочтой.

Тут я пожалел, что поспешил отлить «шила» коменданту – этой пьяной роже! Ведь учили еще с курсантов: «Не спеши выполнять приказание, потому что поступит другое приказание – противоположное предыдущему!», иначе говоря, «Пельмени разлепить!» Не знаю, что отразилось на моей роже, но комдив заметил это и растолковал по-своему.

– Да не переживай, ты так Миша! Придешь, расслабишься и поймешь – нормальный ход! ну, а если еще не зазнался будущий Герой – пригласишь своего комдива на пять капель!

При этих словах начПО ожил. Вот так да! Его родное мероприятие – и без должного политического обеспечения!

– Товарищи! Дело большой политической важности. Я побеспокоился и... стол уже накрыт! Микроавтобус внизу, прошу в банкетный зал Дома офицеров.

«Ну и прогибалось! Когда же он успел? – подумал Яндолин. – Эти политработчие – шустрые ребята, особенно по части питейных мероприятий!» – Вот это организация! – произнес Иванов. – Почти как у тебя, Николай Сергеевич, на твоём СМП.

При слове «СМП», что означало Северное машиностроительное предприятие, Буторин вздрогнул – слишком многое связывало его с этим секретным учреждением. Еще мальчишкой он пришел на завод, заменив ушедшего на фронт и бесследно пропавшего где-то на Кольском полуострове, отца. Завод его воспитал, крепко поставил на ноги, дал образование и специальность. Здесь же обзавелся и семьей. А каких людей он видел, с кем работа! Каждый из них – человек-легенда. Конечно, то, что он сейчас создает, не идет ни в какое сравнение с «Ленинским комсомолом» – первенцем советского атомного подводного флота. Но в памяти остался именно этот корабль, потому что с ним связывалось все прошлое и настоящее. В то героическое время он, еще молодой специалист, вошел в конструкторский коллектив академика Александрова. Несмотря на запрет Берии, хлопцы, увлеченные идеей создания первой атомной подводной лодки, трудились дни и ночи напролет. После 1952 года, когда правительство приняло решение о создании боевых подводных кораблей с АЭУ – атомной энергетической установкой, работа закипела. Николай учился на ходу. Ему, как и многим первопроходцам, присваивали ученые степени без защиты диссертации. Для этого просто не было времени, а то, что он и его коллеги создавали, по научному, техническому и практико-организационному значению частенько не имело ничего подобного в мире. Именно они придумали сквозные комплексные участки, заметно повысившие персональную ответственность трудовых коллективов за весь цикл работ. Здесь же была воплощена их идея создания специализированных предметно-замкнутых участков, цехов, производств. Результатом очередной «мозговой атаки» стала технология гибкой переналадки производства, обеспечившая в процессе строительства подводных лодок максимальную модернизационную способность проекта. Это позволило, не меняя наружных форм атомохода, втискивать в него все более совершенные средства ведения боевых действий подводой, что повышало возможности проекта в два раза и более. Работа рядом с такими «монстрами» от науки, как Дмитрий Блохинцев – «зам» Александрова, Нико-

лай Доллежалъ – главный реакторщик, кораблестроители Владимир перегудов и Генрих Гасанов, невозможно было не стать ученым-конструктором высшей пробы. И он им стал.

Буторин тяжело приподнялся, как будто на него давила тяжесть всего пережитого за годы его становления, пожал всем руки и, прощаясь, произнес:

– Я должен ехать в Москву, прямо сейчас. Извините. А вас, – обратился он почему-то только ко мне, забыв про конкурента Серегу, – жду на СМП.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.